XVIII Мелетинские чтения

Космогония, космология и эсхатология в фольклоре и литературе

Фольклорная секция

Материалы

Всероссийской научной конференции

Москва, РГГУ, 23–24 октября 2026 г.

Москва

2026

УДК 398

ББК 82.0

К 71

Составитель и редактор

Е.Ф. Левочская

Космогония, космология и эсхатология в фольклоре и литературе.
Материалы Всероссийской научной конференции XVIII Мелетинские чтения (Москва, РГГУ, 23–24 октября 2026 г.) / Сост. и ред. Е.Ф. Левочская. М.: РГГУ, 2026. 22 с.

© Коллектив авторов, 2026

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2026

Оглавление

Бондарь Я.О. Мир как лабиринт: пространство памяти в романе Ланы Басташич «Поймать зайца»…….....…4

Быкова Е.В. «Последние времена» в книжной культуре староверов-часовенных: обзор современных эсхатологических рукописей на Енисее 5

Доронин Д.Ю. Алтайская эсхатология: жанры и ситуации рассказывания в знании ритуально-магических специалистов 6

Душакова Н.С. От «печати антихриста» к алгоритмам: эсхатологические интерпретации цифровых технологий у современных старообрядцев 7

Каяниди Л.Г. Космогонические мотивы в сказке ATU / СУС 700 Thumbling / Мальчик с пальчик.....8

Коровина Е.В. Рога и копыта: мезоамериканские тексты об обретении Кроликом современного облика.....9

Королев К.М. «Не взрыв, но всхлип»: зомби-апокалипсис и другие варианты конца света в современной массовой культуре 10

Кузакова Е.О. Иконография «Страшного Суда»: современные интерпретации в монументальной храмовой живописи г. Санкт-Петербург.....11

Левочская Е.Ф. Золотой век, серебряный век и последние времена: эсхатологические мотивы в разговорах о детском чтении (на материале литературных костров) 12

Лимеров П.Ф. Мифология коми-зырян в литературном творчестве Каллистрата Жакова ..13

Лукшина М.М. «Да будет свет!»: синтез термодинамической эсхатологии и христианской космогонии в рассказе А. Азимова «Последний вопрос» 14

Мамонова С.К. Формулы невозможного в восточнославянских этиологических легендах 15

Напольских Т.В. Миф о начале эпохи у древних майя: роль небесного владыки Ицам-Кокаха.....16

Неклюдов С.Ю. Границы эона: цикличность и линейность времени.....17

Панюков А.В. Формула Леви-Стросса: самосборка сюжета.....18

Сафронов Е.В. Неизвестные рукописные варианты преданий о Петре I.....19

Шаравин А.В., Старцева И.Л., Резаков Я.О. Мифопоэтика трилогии «Московская сага» В. Аксенова: концептуальность эсхатологии без апокалипсиса, по Е. М. Мелетинскому...20

Шотина Е.М. Убить смерть: неомифологизация сознания в видеоигре «Moon River».....21

Бондарь Яэль Олеговна
магистрант кафедры славистики и ценральноевропейских исследований РГГУ,
Москва

Мир как лабиринт: пространство памяти в романе Ланы Басташич «Поймать зайца»

Тема травмы распада Югославии в современной сербской, хорватской и боснийской прозе остается актуальной по сей день. К ней часто обращаются писатели старшего и младшего поколения сербо-хорватской прозы. Центр данного исследования – роман сербско-боснийской писательницы младшего поколения Ланы Басташич «Поймать зайца».

В основе повествования – история двух подруг, Сары и Лейлы, которые отправляются в путешествие на машине по Хорватии, Боснии, Сербии и Австрии в поисках старшего брата Лейлы. На протяжении романа Сара вспоминает травмировавшее ее прошлое и пытается осмыслить его в настоящем. Роман «Поймать зайца» представляет собой репрезентацию эсхатологического мифа. Как отмечает Е. М. Мелетинский, «эсхатологические мифы по своей структуре и своим сюжетам явно восходят к космологическим, только действие развивается в противоположном направлении». Как и для эсхатологического мифа, так и для романа писательницы характерна определенная композиционная структура, а именно: конец старого мира, разрушение его и возвращение к космосу.

Повествование в произведении начинается с конца старого мира. Героиня вспоминает свое детство, начало воспоминаний Сары связано скорее всего с 1995 годом. В этот период Босния была подвергнута бомбардировке. Дальнейшее повествование представляет собой путешествие по лабиринту памяти. Возникновение хаоса в памяти главной героини связано с двумя травмирующими обстоятельствами: распадом Югославии и событиями в Боснии, с одной стороны, и подростковым кризисом Сары – с другой. Наложение пережитых событий нарушает работу памяти главной героини и искажает ее восприятие прошлого.

В результате, героиня переживает ретравматизацию через погружение в хаос и путешествие по лабиринту памяти, а структура эсхатологического мифа в романе отражает двойственность процесса исцеления. С одной стороны, процесс исцеления подразумевает травматичное погружение в хаос, то есть возвращение к прошлому, которое сопровождается болезненным разрушением представлений о мире. С другой стороны, через разрушение этих представлений Сара приходит к исцелению.

Быкова Екатерина Васильевна,
кандидат искусствоведения; доцент кафедры культурологи, социологии и философии Вятского государственного университета, Киров

«Последние времена» в книжной культуре староверов-часовенных: обзор современных эсхатологических рукописей на Енисее

Современные эсхатологические рукописи часовенных на Енисее – это не реликт, а живая традиция, продолжающая древнерусскую книжность в условиях XXI века. Корпус для анализа включает учительные сборники, видения, духовные стихи, настенные листы, создаваемые в обителях на притоках Енисея. Их объединяет напряженное переживание «последних времен» и ожидание конца истории. Рукописи «Исполнение пророчеств о кончине мира», «Диаволъ и пакости», «О рае», сборник стихов «Электронный век» были написаны в обителях на притоках Енисея, являются посланием «в мир». Тематически рукописи группируются вокруг нескольких сюжетов: приход антихриста, печать зверя, электронные документы и «мировая сеть», духовная гибель мира, спасение в пустыне. Жанровая структура рукописей включает поучения, видения, духовные стихи, патериковые рассказы, родословия обителей, повести о разорении скитов. Функции этих рукописей многообразны: они укрепляют общину, предупреждают об опасностях «мира», поддерживают идентичность и мобилизуют к духовному сопротивлению. В условиях замкнутого сообщества книга остаётся главным носителем памяти, веры и стратегий выживания. Методологически обзор опирается на полевые экспедиции 2020–2026 годов, археографическое описание, визуально-антропологический анализ и источниковедческую критику. Современные эсхатологические рукописи часовенных на Енисее демонстрируют, как древняя книжная традиция отвечает на вызовы современности, сохраняя ожидание конца мира как фундамент коллективной идентичности.

Доронин Дмитрий Юрьевич
кандидат исторических наук; научный сотрудник Лаборатории теоретической фольклористики ШАГИ РАНХиГС, Москва

Алтайская эсхатология: жанры и ситуации рассказывания в знании ритуально-магических специалистов

В соответствии со сложным этноконфессиональным ландшафтом на Алтае современная эсхатологическая традиция алтайцев неоднородна, в ней можно выявить несколько основных субтрадиций: бурханистскую (мессиански-эсхатологическую), шаманистскую, эсхатологические представления алтайских буддистов, алтайских протестантов-харизматов. Каждое из религиозных течений предлагает свои представления о будущем (в том числе катастрофические, эсхатологические и мессианские), толкует по-своему традиционные алтайские эсхатологические мотивы. «Классические тексты» алтайской эсхатологии, по уже устоявшейся научной традиции, алтаисты относят к крупной жанровой группе несказочного фольклора *кеп-куучындар* – ‘старинные рассказы’ (*алт.*). Помимо этого, тексты с эсхатологическими мотивами представлены в следующих жанрах: (1) стихотворные силлабо-аллитерационные тексты-пророчества, чаще всего приписываемые легендарным / историческим провидцам – по большей части это перечни примет / знаков *калганчы чак* – ‘последнего века’ (*алт.*); (2) прозаические эсхатологические рассказы (о знаках последнего века, его войнах, природных катастрофах, эсхатологогических стихиях-*айгулах* и пр.); (3) мессианско-эсхатологические тексты бурханистской традиции (молитвенные песнопения-*алкыши*, религиозные гимны и рассказы о возвращении грядущего правителя Алтая, о войнах последнего века); (4) эсхатологические тексты визионеров: *бичикчи* – ‘писцов’ (*алт.*), *камов* – ‘шаманов’ (*алт.*). Например, так называемые «диктовки» *ак јаӈу улус* – ‘людей Белой веры’ (*алт.*), переведенные в машинописную и печатную форму (послания, листовки, газеты). Сюда же относятся дидактические и эсхатологические тексты современных шаманов и других ритуально-магических специалистов – *неме билер улус* – ‘нечто знающих людей’ (*алт.*), публикуемые ими в алтайских СМИ и книгах.

В большинстве исследований, хотя бы вскользь касающихся алтайской эсхатологии, акцент делается на публикации и мотивном анализе фольклорных текстов. Прагматический аспект при этом часто игнорируется, и различные по происхождению, ситуациям рассказывания тексты как бы уравниваются в обобщенном изложении эсхатологии, либо дается их краткая жанровая характеристика с приведением вариантов. Репрезентация

эсхатологии, создаваемая исследователем при таком подходе, может сильно отличаться от ее «живого существования» (эсхатологических представлений, ожиданий, практик) в актуальной традиции.

Опираясь на методологию наших прежних исследований, этот доклад посвящен рассмотрению нового материала – специфики жанров и ситуации бытования (порождения, рассказывания/трансляции) эсхатологического знания у ритуально-магических специалистов на Алтае.

Исследование подготовлено в рамках государственного задания РАНХиГС.

Душакова Наталья Сергеевна
кандидат исторических наук; старший научный сотрудник ШАГИ ИОН РАНХиГС, Москва

От “печати антихриста” к алгоритмам: эсхатологические интерпретации цифровых технологий у современных старообрядцев

На основе материалов открытых обсуждений новых технологий, интервью со старообрядцами разных согласий и данных онлайн-наблюдений в докладе будут рассматриваться апокалиптические ожидания старообрядцев, вызванные распространением цифровых технологий и генеративного искусственного интеллекта. На первых этапах осмысления новых технологий, пока еще не сформированы устоявшиеся представления о границах их применимости для сообщества, наиболее ярко выражены мифологические способы интерпретации, а доминирующую роль в дискуссиях играют рассуждения об опасностях и рисках, связанных с этими технологиями. Из-за повсеместного внедрения ИИ сегодня мы наблюдаем не только рост апокалиптических ожиданий среди представителей самых разных религиозных сообществ, среди которых и старообрядцы, но и изменение самих эсхатологических нарративов. Новым рискам и формам, которые в настоящее время принимает технологическая эсхатология, и будет посвящен доклад.

Каяниди Леонид Геннадьевич
доктор филологических наук; профессор кафедры литературы и журналистики Смоленского государственного университета, профессор кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Смоленской православной духовной семинарии, Смоленск

Космогонические мотивы в сказке ATU / СУС 700 Thumbling/ Мальчик с пальчик

Сказочный тип ATU 700 относится к числу самых популярных и распространенных в мировом сказочном фольклоре. Он представлен на значительной территории Евразии, кроме севера Сибири, а также на территории Северной и Восточной Африки. Первое исследование, посвященное этому сюжету, – книга Гастона Пари «Le Petit Poucet et la Grande Ourse», в которой автор возводит сюжет о мальчике с пальчик к отражению астрономических представлений части европейских народов о Большой Медведице = повозке, которой управляет мальчик с пальчик (= Гермес, похищающий коров Аполлона). Эта теория не раз была подвергнута критике (почти насмешливой), которая трактовала сближение сюжета о мальчике с пальчик с созвездием Большой Медведицы как немотивированную флуктуацию. Вместе с тем исследование С.Ю. Неклюдова о монгольском богатыре Эрхий-мэргэне (стрелке-большом-пальце), который сбивает «лишние» солнца в начале творения и помещается под землей до конца времен, заставляет если не реабилитировать космогоническую трактовку всего сюжета ATU 700, то во всяком случае заново поставить проблему космогонической составляющей данного сказочного типа и рассмотреть ее соотнесенность с другими элементами сюжета.

Коровина Евгения Владимировна
младший научный сотрудник Института Языкознания РАН, Москва

Рога и копыта: мезоамериканские тексты об обретении Кроликом современного облика

Современный кролик – небольшое животное с длинными ушами, однако в фольклорных представлениях ряда регионов его нынешний облик отличается от первоначального (см. мотив B40 по каталогу Ю. Е. Березкина и Е. Н. Дувакина). Доклад посвящен анализу мезоамериканских повествований, объясняющих происхождение телесных признаков Кролика и связанных с ним животных, прежде всего Оленя.

Исходное распределение признаков оказывается изменяемым: рога и копыта можно одолжить, присвоить или передать в награду; размер тела становится предметом переговоров с создателем. Окончательный облик животных складывается в результате обменов, обмана и вмешательства высшей инстанции.

Особое внимание уделяется сочетанию двух сюжетных комплексов: присвоению Оленем признаков Кролика и попытке Кролика получить более крупное тело либо возмещение утраты. В ряде версий выполнение трудного поручения убеждает создателя в опасности просителя: способность маленького Кролика одолевать сильных зверей становится основанием для отказа увеличить его. Вытягивание ушей при этом выступает как компенсация, наказание или ограниченное исполнение просьбы. Таким образом, установление современного облика животных связано не только с распределением признаков, но и с ограничением возможностей.

Отдельный вопрос – внутренняя хронология этих событий и их соотношение с другими повествованиями о Кролике типичными для региона: о его появлении на Луне и о трикстерских приключениях, в которых он, по-видимому, уже обладает современным обликом. Можно ли рассматривать обретение телесных признаков как особый этап мифологического времени, предшествующий закреплению современного устройства мира? Сопоставление сюжетов позволит обсудить как возможность такой последовательности, так и региональные варианты мезоамериканских традиций.

Королев Кирилл Михайлович
кандидат филологических наук; научный сотрудник Социологического института РАН (филиал ФНИСЦ РАН), Москва

«Не взрыв, но всхлип»: зомби-апокалипсис и другие варианты конца света в современной массовой культуре

Тема технологического конца света чрезвычайно популярна в современной массовой культуре. Если в научной фантастике 1950-х и 1960-х годов, преимущественно англоязычной, но также японской и советской, возможный апокалипсис связывался, как правило, с последствиями развития и применения технологий обработки урана (атомные и водородные бомбы), то приблизительно с середины 1970-х годов все чаще стала звучать тема эпидемиологического кризиса. Более того, с выходом в 1968 году фильма «Ночь живых мертвецов», запустившего «зомби-волну» в голливудском кинематографе, а следом многочисленных его продолжений и подражаний, эпидемиологическая повестка в популярной культуре постепенно приобретала выраженный «некритический» и даже «некрофильский» характер, а конец света уверенно рисовался в виде зомби-апокалипсиса, в котором суждено выжить – и, быть может, возродить человеческий род – лишь крайней малой доле населения Земли. Многие литературные критики и академические исследователи связывают популярность этой тематики в литературе, кино и видеоиграх с кризисом общества потребления, наступлением постгуманизма и стремлением читательской / зрительской аудитории «пережить экзистенциальный страх в комфортных условиях» (В. Ханнегграаф, В. Канштайнер).

В массовой и глобализованной культуре XXI столетия зомби-апокалипсис фактически превратился в полноценную «индустрию страха и развлечения» (С. Лауро), которая предполагает несколько внутренних тематических направлений. Однако развитие технологий продолжает вносить коррективы в культурные сценарии предполагаемого технологического конца света. На стыке эпидемиологического и «кибернетического» сценариев – отголоском последнего является сегодняшний хайп вокруг ИИ – рождается гипотеза о восстании машин, способных в том числе истребить человечество боевыми вирусами, и популярная культура охотно подхватывает и художественно воплощает этот вариант гибели Земли. А становление и развитие технологий виртуальной реальности приводит в сочетании с распространением видеоигр к рождению нового литературного / сетературного направления – так называемого RealRPG, или приключений в апокалиптическом / постапокалиптическом мире, который необратимо меняется из-за

«прихода Системы», вводящей в реальность правила компьютерной игры. Сегодня это направление доминирует в фантастике.

В докладе предполагается проанализировать популярность двух современных сценариев конца света, показать их взаимозависимость и оценить перспективы масс-культурной эсхатологии на примере ряда произведений отечественных фантастов.

Кузакова Евгения Олеговна
магистрант Института философии, СПбГУ, Санкт-Петербург

Иконография «Страшного Суда»: современные интерпретации в монументальной храмовой живописи г. Санкт-Петербург

Доклад посвящен анализу визуального воплощения эсхатологических воззрений – вариантам иконографии «Страшного Суда» в современной монументальной храмовой живописи г. Санкт-Петербурга. Рассматриваются два храма, освященные в честь новоканонизированных святых: Иоанна Кронштадского и Ксении Петербургской. Храм св. прав. Иоанна Кронштадского продолжает византийскую традицию иконографии «Страшного Суда» с визуальным цитированием росписей из монастыря Грачаница (Лоно Авраама, изображение зверей, птиц, рыб, персонификация моря). Изображения гиены огненной, бесов, сатаны и вечных мук призывают к эсхатологической рефлексии. Совсем иной образ можно встретить в храме св. Ксении Петербургской на Петроградской стороне: сцена «Страшного Суда» написана минималистично и без пугающих элементов. Данные различия можно связать с противоположными друг другу образами Иоанна Кронштадтского и Ксении Петербургской: авторитетного церковного деятеля и “народно любимой” святой, вставшей на путь юродства после потери мужа.

Левочская Елена Федоровна
кандидат филологических наук; научный сотрудник Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, Москва

Золотой век, серебряный век и последние времена: эсхатологические мотивы в разговорах о детском чтении (на материале литературных костров)

В постсоветской читательской культуре поэты и поэзия нередко мифологизируются. Собрания читателей, приуроченные к календарным датам рождения или памяти поэта, функционируют как городской ритуал, на котором эксплицируются ценностные ориентиры и представления о мире. В центре читательского внимания оказываются поэты Серебряного века (на Цветаевских кострах, Дне рождения С. Есенина на Ваганьковском кладбище и др.) или советского времени (на Окуджавском дворике), но актуализируется связь и с «Золотым веком», именем А.С. Пушкина. Во многом обусловленная обращениями к имени Пушкина в самой поэтической традиции, эта связь выстраивается как череда «прекрасных эпох», противопоставленных современности. В этом контексте часто звучат сетования, что молодые люди сегодня перестали читать, что культура в опасности и в новом технологическом мире ей нет места, и эти сетования как речевой жанр близки эсхатологическим рассказам: есть в них и приметы «последних времен», и указание на ненормальность происходящего, и имплицитный образ «праведности» (в нашем случае – чтение поэзии вслух), которая замедляет катастрофу. При этом «прекрасным прошлым» для читателя может быть как XIX век, воплощение культуры, так и советское время собственных детства и молодости. В докладе будет рассмотрены реплики, звучащие со сцены, и фрагменты интервью с участниками литературных костров, разобраны основные клише и их обусловленность читательским мифом.

Лимеров Павел Федорович
доктор филологических наук, доцент; главный научный сотрудник Института ЯЛИ ФИЦ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Мифология коми-зырян в литературном творчестве Каллистрата Жакова

Аннотация: Каллистрат Фалалеевич Жаков (1866–1926) – ученый-энциклопедист, писатель, философ, этнограф, педагог и просветитель, уроженец д. Давпон под Усть-Сысольским (Сыктывкаром) принадлежит к числу оригинальных мыслителей, чье творческое развитие пришлось на эпоху Серебряного века. В историю науки он вошел как финно-угровед, исследователь этнографии и фольклора финно-угорских народов России и, в первую очередь, народа коми.

Жаков всецело придерживался положений антропологической школы, полагая фольклорные материалы «пережитками» древней мифологической поэзии, которую он называл Северным эпосом. Своей целью Жаков считал реконструкцию этого эпоса, однако не в виде научных статей, а в форме литературных произведений. Жаков не стремится воспроизводить известные ему фольклорные сюжеты, он создает другую, параллельную мифологию – со своей космогонией («Ен и Омэль») и эсхатологией («Бегство северных богов», «Неве Хеге»), с мифологическими героями (Пам Бурморт, Шыпича, Джак и Качаморт, Бурмат, Мили-Кили, Дарук Паш, Майбыр и др.), а также воссоздает этногенетический миф, раскрывающий тайну происхождения народа коми-зырян («Царь Кор. Чердынское предание»), а в последствии – героический эпос «Биармия». Эту поэму он по праву считал венцом своей научно-литературной деятельности, полагая ее реконструкцией древнего Северного эпоса или, точнее, одного из северных эпосов, эпоса народа Перми, родственного по языку и культуре всем народами обширной территории европейского Севера от Урала до Финляндии, с центральной областью – бассейном Северной Двины, обозначенной в поэме как Биармия.

Лукшина Мария Максимовна
аспирант Института мировой литературы им. Горького РАН, Москва

«Да будет свет!»: синтез термодинамической эсхатологии и христианской космогонии в рассказе А. Азимова «Последний вопрос»

В докладе рассматривается, как Айзек Азимов соединяет термодинамическую концепцию тепловой смерти вселенной и сюжет о сотворении мира из книги Бытия в рассказе 1956 года «Последний вопрос». Физический концепт энтропии как функции состояния системы и причины тепловой смерти соединяется с космогоническим сюжетом Книги Бытия. Физическая неизбежность угасания звезд и достижения температурного равновесия (смерти всего живого) становится главным двигателем сюжета, заставляя людей миллионы лет развивать искусственный интеллект в поисках решения. Рассказ построен кумулятивно, каждый этап развития человечества сопровождается вопросом, как остановить энтропию, компьютер каждый раз отвечает «НЕДОСТАТОЧНО ДАННЫХ».

По мере эволюции компьютер теряет оболочку, сливается с пространством и временем и обретает черты христианского Бога (всеведение, вездесущность), технология обожествляется. Его слияние с пространством показано через изменение названия – МикроАК превращается в галактического АКа, потом просто АКа. Финал рассказа демонстрирует снятие оппозиции науки и религии и их соединение. В рамках теории когнитивного остранения Д. Сувина преодоление энтропии компьютером через библейскую цитату «ДА БУДЕТ СВЕТ!» трактуется как открытие нового физического закона с помощью божественных сил, которые получает компьютер в конце старого цикла, что приводит к началу нового – метафизического сотворения словом, компьютер становится демиургом.

Зоммерфельд, А. Термодинамика и статистическая физика: учебное пособие. М.; Ижевск: Регулярная и хаотическая динамика, 2002.

Noble, D. F. The religion of technology : the divinity of man and the spirit of invention. New York : Alfred A. Knopf, 1997.

Suvin, D. Metamorphoses of science fiction: on the poetics and history of a literary genre. New Haven : Yale University Press, 1980.

Мамонова Светлана Константиновна
аспирант, специалист по УМР МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва

Формулы невозможного в восточнославянских этиологических легендах

В фольклористических и литературоведческих работах формулы невозможного обычно описываются как специфический художественный прием, представленный во многих жанрах. Американский филолог-классик Гален Роу определял формулы невозможного, или адинатон, как особую разновидность паремий, поскольку они «пытаются представить абстрактные идеи с помощью конкретных образов» [Rowe 1965, с. 396]. Он подчеркивал, что в формулах невозможного отсутствует повествовательная составляющая и что в высказывании они выполняют преимущественно эстетическую функцию. В докладе на материале восточнославянских этиологических легенд мы попытаемся продемонстрировать, что формулы невозможного способны выступать в качестве смыслового ядра повествования, сосредотачивая в себе ключевые представления о структуре мироздания и о свойствах объекта окружающего мира. Способность формул невозможного трансформироваться в этиологические повествования отчетливо прослеживается на примере мотива прорастания камней. В русских и украинских заговорах, песнях, загадках корни камней упоминаются как нечто несуществующее (см. многочисленные варианты песни «Девка-семилетка», где девушка загадывает парню загадку, спрашивая, что растет без корня; правильный ответ – камни), а произрастание камней – как то, чего не может быть в действительности (см. заговорную формулу изгнания болезни: «Як камяню на корані не стаяці , вещцем не махаці, лісцем не шумеці, так у раба божага ў буйнай галаве болі не балеці, не шумеці, не ламіці, падзіўнай, прыгаворнай, па сей час, па сею гадзіну»). В этиологических легендах, записанных преимущественно в пограничных областях Литвы, Эстонии, Беларуси и России, прорастание камней из-под земли является характерным маркером времен первотворения, когда мир еще не имел привычных очертаний, а вещи – характерных для них свойств. Легенды о камнях, растущих из-под земли в восточнославянской традиции, как правило, связаны, с одной стороны, с народнохристианскими представлениями (так, по одной версии все появившиеся на земле камни выросли из осколков скрижалей, данных Богом Моисею; по другой – взбунтовавшиеся ангелы, которых Бог скинул на землю, со временем они вросли в нее и стали мешать людям свободно пахать и сеять), с другой стороны – с образом «золотого века», когда вся земля была абсолютно ровная, однако дьявол испортил первоначально идеальное творение Бога, чтобы навредить людям. Связь этого мотива с идеей

неупорядоченности мира актуализируется и в эсхатологических легендах: у украинцев распространено представление о том, что в конце времен все горы исчезнут и земля вновь станет гладкой. На примере мотива прорастания камней в докладе мы попытаемся рассмотреть нарративный потенциал формул невозможного в контексте этиологических и эсхатологических повествований.

Rowe, G. The Adynaton as a Stylistic Device // The American Journal of Philology. 1965. Vol. 86, no. 4. P. 387–396.

Напольских Таисия Владимировна
магистрант Мезоамериканского Центра им. Ю.В. Кнорозова, Москва

Миф о начале эпохи у древних майя: роль небесного владыки Ицам-Кокаха

Доклад посвящен анализу космогонических представлений древних майя классического периода, описанных в иероглифических текстах как событие начала эры (в дату 4 Ахав 8 Кумку). Одним из центральных акторов в этом событии выступает небесный владыка Ицам-Кокаx, который согласно другим мифологическим сюжетам повелевает сотворить шесть первых людей и дарует животным их отличительные особенности.

На основе корпусов иероглифических текстов (Стела C из Киригуа, Храмы Креста в Паленке, Алтарь 1 из Пьедрас-Неграс, Стела 51 из Эль-Перу и Жадеитовая маска неизвестного происхождения) рассматривается мифологический сюжет «смены облика» (*jahlaj k'ojo'b*), связанный с топонимом «На краю неба в месте первых очажных камней» (*Ti' Chan Yax...nal*).

Анализ иероглифических текстов показал, что Ицам-Кокаx не просто участвует в космогоническом акте, среди прочих других божеств, но занимает верховную позицию. Таким образом, исследование позволяет расширить понимание его функций и выдвинуть несколько гипотез о его титулах и месте в религиозно-мифологических представлениях древних майя.

Неклюдов Сергей Юрьевич
доктор филологических наук, профессор; профессор Центра типологии и семиотики фольклора РГГУ, главный научный сотрудник ШАГИ РАНХиГС, Москва

Границы эона: цикличность и линейность времени

Концепция *эонов* есть порождение поздних, интеллектуально зрелых мифологических рефлексий в цивилизациях Древнего мира (Египет, Греция, Индия). Это огромные космические эпохи, на которые разделяется само существование вселенной и которые в свою очередь разграничены некими созидательно-разрушительными событиями, причем последовательность *эонов* может уходить в неопределенную даль будущего, а зачастую не определяется даже и ее начало.

В разных традициях данная концепция может формулироваться более или менее отчетливо и несколько по-разному, однако в ее основе всегда лежит одна и та же комбинированная линейно-циклическая структура: если «оболочка» *эона* манифестирует «вечное возвращение» самой модели, то внутри себя она содержит уже линейную временну́ю последовательность – от эмбриональных форм возникающего космоса в начале до неизбежной деградации его форм и окончательной гибели в конце.

Эон может иметь не только временны́е, но и пространственно-временны́е (хронотопические) измерения, когда исчезновению / уничтожению подлежит на только заканчивающаяся эра, но и соответствующее ей жизненное пространство – таков, скажем, монгольский *галав* (<санскр. *kalpa*), название которого переносится и на сам финальный катаклизм, конец света («водяной», «огненный», «мясной» и т. д.).

Отдельные компоненты подобной модели обнаруживаются и в более архаических традициях – не синтезированные в цельную картину мира, но отражающие те же идеи космогонически-эсхатологического «хода времени» в их первичных и дисперсных формах.

Панюков Анатолий Васильевич
кандидат филологических наук; ведущий научный сотрудник сектора фольклора
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар

Формула Леви-Стросса: самосборка сюжета

Каноническая формула мифа Клода Леви-Стросса «Fx(a):Fy(в)::Fx(в):Fa-1(у)» – это одна из самых амбициозных и одновременно спорных попыток в гуманитарных науках алгебраизировать культуру, описывая то, как человеческий разум с помощью мифа разрешает неразрешимые социальные и логические противоречия. В XXI в. американский математик Джек Морава (Jack Morava) в серии своих работ смог доказать, что формула имеет под собой строгий математический фундамент, а когнитивные структуры могут воспроизводить законы некоммутативной алгебры и квантовых переходов. Наша концепция самосборки сюжета построена на аналогии с биохимическим процессом самосборки супрамолекулярных соединений. В переводе на язык лингвистики – агрегация текста как «супрамолекулярного» образования может быть рассмотрена как процесс структурирования его составляющих на основе «слабых», ассоциативных связей, комплементарных по форме или содержанию. В основу нашей модели событийного сюжета заложена событийная матрица «инициальная ситуация – причинно-следственная связь – финальная ситуация». Она обладает определенной логической структурой, поскольку инициальная субъектно-объектная триада (субъект S – действие A – объект O) формирует свое «зеркальное» отображение – т.е. финальная часть потенциально обладает подобной же субъектно-объектной «триадой», но зеркально противопоставленной (S^{-1} – A^{-1} – O^{-1}), как, собственно, начало и конец. Соответственно, возникают контуры анти-события с анти-ролями (т.е. меной субъектно-объектных позиций), обеспечивающие «двойное скручивание» по Леви-Строссу. В ряде предыдущих работ нами уже использовался термин «бриколаж», поскольку вся выстроенная ассоциативно-смысловая структура возникает в результате многократных аффективно-ассоциативных аттракций, характерных, по Леви-Строссу, мифологическому мышлению. В данном докладе мы рассмотрим формулу Леви-Стросса как одну из возможных интерпретаций самосборки сюжетной структуры.

Сафронов Евгений Валериевич
кандидат филологических наук; научный сотрудник Ульяновской областной научной библиотеки; старший научный сотрудник научно-образовательного центра «Традиционная культура и фольклор Ульяновского Поволжья» имени Д.Н. Садовникова Ульяновского государственного педагогического университета, Ульяновск.

Неизвестные рукописные варианты преданий о Петре I

В малоизвестной рукописи «Копия “Увещания христианина”» (втор. пол. XIX в.; хранится в Ульяновской областной научной библиотеке) представлены варианты преданий о Петре I, которые ранее не публиковались и не анализировались. Сравнение с опубликованными версиями позволило дополнить мотивный репертуар, связанный с фольклорным образом российского императора, – в частности, речь идет о наказании водоемов и колоколов, а также реформе календаря.

Кроме того, уточнено использование этих мотивов и сюжетов в культурной традиции старообрядцев-беспоповцев, основанной, в частности, на эсхатологических ожиданиях и учении о «расчлененном антихристе».

Также впервые установлены и описаны обстоятельства конфискации рукописного сборника, послужившего материалом для доклада.

Шаравин Андрей Владимирович,
доктор филологических наук, доцент; профессор кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского
Старцева Ирина Леонидовна,
кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры русской, зарубежной литературы и массовых коммуникаций Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского
Резаков Ярослав Олегович
кандидат филологических, наук независимый исследователь

Мифопоэтика трилогии «Московская сага» В. Аксенова: концептуальность эсхатологии без апокалипсиса, по Е. М. Мелетинскому

Трилогия Василия Аксёнова «Московская сага» рассматривается как повествование, в котором советская история XX века развёрнута по космогонии, описанной Е. М. Мелетинским. Материалом служат три книги романа и работы Мелетинского о мифе, эсхатологии, а также два исследования, использованные для разбора аксёновского пространства как исследовательский контекст, в котором функционируют концепции автора «Поэтика мифа»: книга М. Евзлина о космогонии и ритуале и работа В. Кривоноса о хронотопе «заколдованного места». Наблюдения о заколдованном месте и о ритуале привлекаются как проверка теорий Мелетинского в проекции на трилогию В. Аксенова. Москва в произведениях описана через поэтику хаоса: страну оставляют божественные покровители, власть уподобляется дракону, храм лежит в руинах, столица названа прокажённой. Однако конец мира мифологическая модель господства хаотических эманаций не определяет. Зима («Поколение зимы»), вынесенная в заглавие первой книги, сменяется светом эпилога, и катастрофа остаётся сменой эпохи внутри годовой цикличности. Врач Градов читает «Откровение Иоанна Богослова» и ставит диагноз Сталину, художник возвращает городу даль и цветы. Жанр семейной хроники «Московской саги» поддерживает мифологическую схему, однако прикреплен к истории. В итоге ритуальное обновление у В. Аксенова не срабатывает и не спускается сверху, по демиургической вертикали. Мифология, по концепции Мелетинского, требуется историческая закрепленность героев: человека-врача, взявшего книгу, и художника, взявшего кисть.

Шотина Евгения Михайловна
Независимая исследовательница, Москва

Убить смерть: неомифологизация сознания в видеоигре Moon River

В данном докладе рассматривается реализация ряда фольклорно-мифологических мотивов в рамках видеоигры Moon River (2026), в частности мотивы змееборчества и убийства небесного светила, а также трансформация избранных эпических и романтических сюжетов («Песнь о Нибелунгах», «Сказания старого морехода» С. Кольриджа., «Летучий голландец» Р. Вагнера). В своем исследовании мы опираемся на труды Е. М. Мелетинского о поэтике мифа, в частности на статью «Миф и двадцатый век», а также на труды Е. В. Погребной о современной мифопоэтике.

Повествование разворачивается в мире, где человечество победило воплощение смерти, вокруг фигуры Морехода, который стремится вернуть этому воплощению вырванное сердце. Путешествуя по лунной реке до края обреченного бессмертного мира, Мореход посещает четыре острова, на каждом из которых представлен свой способ пережить грядущий конец света: с помощью механизма коллективной памяти, науки и религии. Возникающая амбивалентность (бессмертному миру грозит смерть) позволяет рассмотреть танатический страх в иной перспективе: это не состояние, которое испытывают герои вследствие грядущей кончины, а первопричина конца света. Это дополнительно подтверждается тем, что в рамках повествования танатический страх является психологической категорией и воспринимается как нервное истощение, приводящее к смерти Как следствие, в качестве воплощения невыразимого, ради формулировки которого и требуется сконструировать новый миф, выступают тени, лишающие жизни остатки человечества и вызывающие состояние, которое можно сравнить с депрессивным – человек перестает чувствовать что либо, кроме горя, никого не слышит и не видит и в конце концов исчезает. Упадочное состояние мира является не аллюзией на конкретные мировые конфликты, а отражением усталости и апатии вследствие наблюдения за мировым кризисом. Единственным ярким отблеском актуальной действительности выступает образ мировой эпидемии. Иными словами, в «Moon River» конец света является метафорой внутреннего состояния. Неомифологизации подвергается в первую очередь сознание современного человека, представленного как в лице Морехода, молодого, но больного и лишенного мотивации создания, так и в лице отчаявшихся жителей четырех островов.

Научное издание

XVIII Мелетинские чтения

Космогония, космология и эсхатология в фольклоре и литературе

Фольклорная секция

Материалы научной конференции

Составление и редактирование:
Левочская Елена Федоровна

1 а.л.